

национальным языком.

Во время еврейского национального пробуждения, во второй половине 19-го века, идиш был языком только части еврейского народа, проживающего в основном в Восточной Европе. Даже в Германии, родине идиша, евреи уже говорили по-немецки, не говоря уже о евреях Ближнего Востока и Северной Африки, говоривших на иврите или на диалектах арабского. Иврит был единственным языком, который мог объединить народ, рассеянный по разным странам.

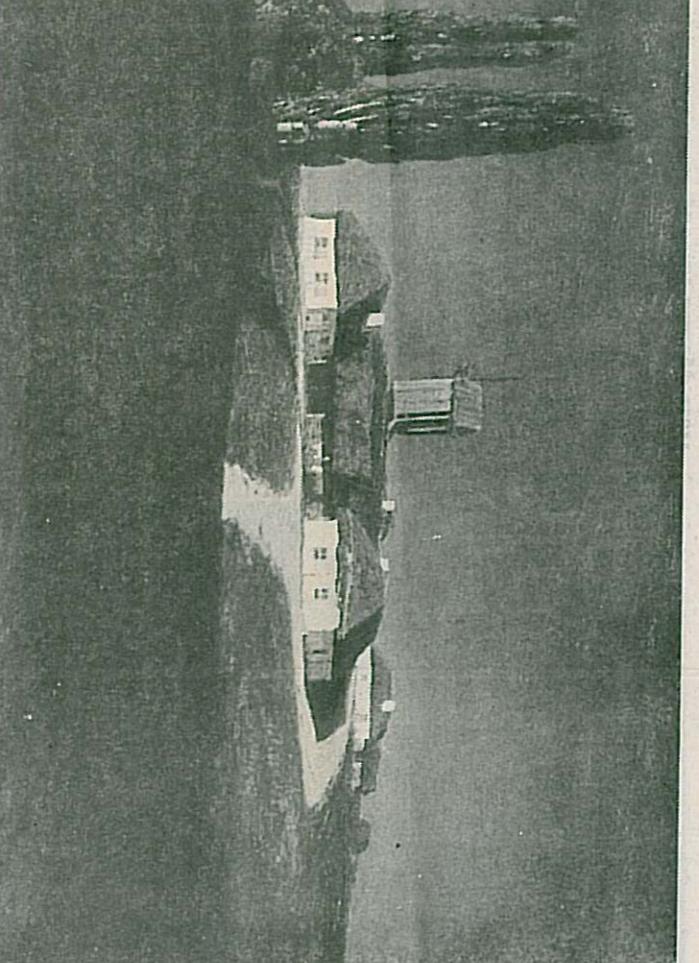
Если бы не иврит, то Израиль бы сейчас был похож на Индию, где после освобождения от власти англичан каждый район продолжал говорить на своем языке, государственным же языком остался английский — язык колонизаторов.

Другая причина того, что иврит существует, — литературная традиция трехтысячелетней давности. На этом языке написана Библия

A. Куинджи. "Украинская ночь"

и Мишина, Мицраим (маленькие рассказы, основанные на народных преданиях и являющиеся комментариями к разделам Библии), Пилютим (религиозные, ритуальные песнопения). Святская и религиозная средневековая еврейская поэзия Испании, поэзия евреев Италии времен Ренессанса и Барокко, пелая область философско-теологической литературы, каббалистическая и хасидская, комментарии к Библии, раввинистические толкования моральных проблем — это только часть литературных и языковых кладов, накопившихся в течение тысячелетий в культурном багаже народа книги, признававшего только один вид аристократии — аристократию ученых.

Предпочтение иврита или идишу было выбором между языками

А. Куинджи. "Украинская ночь"

говорить на русском — главном культурном языке империи. Так и евреи Австро-Венгрии предпочли немецкий румынскому, венгерскому, словацкому и чешескому и яркий пример этому то, что Кафка писал по-немецки. Ивритская литература 60—70-х годов прошлого века была точной копией русской. Было совершено очевидно, что еще 20—30 лет, когда еврейская интеллигенция окончательно освоит русский язык, отпадет потребность в каком-то виде самостоительной еврейской литературы. Но потом пришли времена 80-х годов, и евреям стало ясно, что у них нет никаких шансов стать равноправными гражданами царской России. Это было время возрождения сионизма, начало репатриации русских евреев в страну Израиля.

С высокой, древней культурной традицией и языком, задавшимся, по воле обстоятельств, как один из европейских языков. Это вступает в противоречие с теми процессами, которые знакомы нам по истории древних культур. Но, может быть, национальное возрождение всегда вступает в конфликт с естественными процессами истории. Естественным образом мощная культурная империя побеждает слабую культуру. В том, что выжил иврит, и не только иврит, но еврейский народ, был парадокс, по меркам "нормального" исторического процесса.

В конце 19-го века существование еврейского народа и его культуры подходит к своему естественному концу, несмотря на расцвет ивритской культуры и журналистики. Это был период массовой русификации Восточной Европы, в том числе Польши и Украины. Евреи предпочитали

назад. Большинство еврейского народа в Европе не принимало участия в этом сумасшедшем и — как выяснилось потом, после Бабьего Яра — самом мудром решении, единственном, которое смогло обеспечить дальнейшее существование еврейского народа и его культуры.

Галутный еврей большей частью представлял собой поганый языком и культурного космополита. Он говорил и писал на нескольких языках (иврит, арамейский, идиш, русский, украинский, немецкий) и обладал широким культурным горизонтом. Ущемленное положение толкало его к преодолению общественных и интеллектуальных барьеров.

Израильский иврит со всеми его достижениями был все-таки языком гораздо более русского. Его словарный запас был заморожен в то время, когда русский пополнялся из внешних и внутренних источников. Израильянин не очень старается усовершенствовать свой язык — он никому не обязан доказывать свое интеллектуальное превосходство. В стране, где почти каждый или иммигрант, или сын иммигранта, совершившее владение разговорным языком не может быть мерилом процветания или общественного положения.

Есть еще одна цена, которую мы заплатили за собственный язык: израильский писатель пишет для более узкой публики, чем русский или американский, — мы в Израиле, затянув дыхание, спешим отираясь русских изданий. А ведь каждый писатель стремится к признанию и к влиянию на свою страну, но опасности. Некоторые арабские писатели — они иммигрировали в более широких рамках культуры — и эта локальность та pena, которую платят наш писатель и интеллектуал за возрождение национальной культуры. К этому присоединяются еще дополнительные трудности перевода ивритских писателей на другие языки. У нас есть такие (в основном, ученыe), которые предпочитают сразу писать по-английски. Я думаю, что очень скоро украинские писатели и интеллектуалы столкнутся с подобными проблемами.

Еще большую легитимацию этому дали погромы после революции 1905 года, а потом погромы гражданская войны. Русификация, как несчастная любовь, оставила след глубокого разочарования в еврейской душе. Возрождение иврита было реакцией народа, привыкшего со временем смиряться с унижением, подчиниться естественному процессу истории. Но примерно сто лет назад маленькая группа евреев решила перестать терпеть унижения, нарушить вековые исторические законы, возродить мертвый язык и вернуться на землю, на которой жил еврейский народ две тысячи лет тому назад. Большинство еврейского народа в Европе не принимало участия в этом сумасшедшем и — как выяснилось потом, после Бабьего Яра — самом мудром решении, единственном, которое смогло обеспечить дальнейшее существование еврейского народа и его культуры.

Галутный еврей большей частью представлял собой поганый языком и культурного космополита. Он говорил и писал на нескольких языках (иврит, арамейский, идиш, русский, украинский, немецкий) и обладал широким культурным горизонтом. Ущемленное положение толкало его к преодолению общественных и интеллектуальных барьеров.

Израильский иврит со всеми его достижениями был все-таки языком гораздо более русского. Его словарный запас был заморожен в то время, когда русский пополнялся из внешних и внутренних источников. Израильянин не очень старается усовершенствовать свой язык — он никому не обязан доказывать свое интеллектуальное превосходство. В стране, где почти каждый или иммигрант, или сын иммигранта, совершившее владение разговорным языком не может быть мерилом процветания или общественного положения.

Есть еще одна цена, которую мы заплатили за собственный язык: израильский писатель пишет для более узкой публики, чем русский или американский, — мы в Израиле,